

Ш. Диль

**История Византийской
империи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ш11

Ш11 **Ш. Диль**
История Византийской империи / Ш. Диль – М.: Книга по Требованию, 2013. – 166 с.

ISBN 978-5-458-36007-4

История Византийской империи» принадлежит перу крупного французского византиниста Шарля Диля. В этой книге, вышедшей в свет в 1919 г. и затем неоднократно переиздававшейся, автор поставил своей задачей изложить весь тысячелетний ход византийской истории в виде серии последовательных очерков, соответственно периодам, на которые он делит историю Византии. Из-под его пера живо предстают перед глазами читателя периоды подъема и упадка Византийской империи, ее многогранная культура, та первостепенная роль, которая ей принадлежала в международной жизни европейского средневековья. Диль дает яркие характеристики отдельным выдающимся императорам и деятелям византийской истории.

ISBN 978-5-458-36007-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Диль не понимает, что в основе различных религиозных движений, потрясавших Византийскую империю, лежали социальные причины, он не показывает, почему ереси способствовали сепаратизму восточных провинций империи, так как изображает их вне связи с социальной обстановкой того времени.

Шарль Диль является автором монографии о времени Юстиниана I «Юстиниан и византийская цивилизация VI в.», вышедшей в свет в 1901 г., переведенной на русский язык и до сих пор, несмотря на отдельные недочеты, не потерявшей своей свежести и значения для изучения этой эпохи. Неудивительно поэтому, что II глава настоящего очерка («Правление Юстиниана и Византийская империя в VI в.») принадлежит к лучшим его разделам. Читатель получает здесь ясное представление о внешней и внутренней политике Юстиниана, о византийской культуре VI в., знакомится с характеристикой самого Юстиниана.

Но внутренняя жизнь Византии при Юстиниане освещена Дилем все же недостаточно глубоко. Читая эту главу, мы получаем представление, что весь ход истории Византии при Юстиниане определялся личностями двух людей — самого Юстиниана и его жены Феодоры, которая в отличие от Юстиниана больше тяготела к Востоку, чем к Западу. Диль излагает события таким образом, будто бы одной только личной энергии Юстиниана было достаточно для того, чтобы прервать естественный ход событий, увлекавший Византию к Востоку. На самом деле Юстиниан не смог бы осуществить свои внешние и внутренние мероприятия, если бы он не опирался на определенные группы в господствующем классе, которые он заинтересовал в своей завоевательной политике. Диль совершенно не останавливается на борьбе партий цирка, которая оказала большое влияние на внутреннюю историю Византии при Юстиниане. Восстание Ника оказывается в изображении Диля каким-то изолированным эпизодом, не связанным с социальным протестом масс в царствование Юстиниана. Диль не осуждает внешней политики Юстиниана, который пытался восстановить Римскую империю, что было предприятием явно реакционным. Он только указывает, что дей-

ствия Юстиниана были обречены на неудачу из-за несоответствия между целями и средствами. Не говоря о социально-экономическом положении Византии в эпоху Юстиниана, Диль не может раскрыть причины этой неудачи, коренящейся прежде всего в том, что Юстиниан пренебрегал экономическими нуждами страны и населения, выжимая из него последние соки на осуществление своих широко задуманных завоевательных планов. Правда, Юстиниан уделял внимание развитию промышленности и торговли, но основных непосредственных производителей Византии — крестьян — он отдал на растерзание крупным магнатам. В связи с таким освещением событий действительно нельзя понять, почему политика Юстиниана вызвала бурное возмущение народа.

Диль утверждает, что римское право, кодифицированное Юстинианом и его юристами, основано на принципах социальной справедливости, общественной морали и гуманности, между тем как в действительности римское право и в момент его создания и впоследствии служило интересам господствующих классов и увековечивало социальную несправедливость.

В VII в. Византийская империя переживала один из самых серьезных кризисов в своей истории, когда под угрозой было поставлено самое ее существование. Этому периоду посвящена III глава книги Диля («Династия Ираклия. Арабская опасность и преобразование империи в VII веке»). Диль в связи со своей общей концепцией чрезмерно идеализирует Ираклия. Правда, в отличие от Острогорского, который заявляет, что глубокие этнические и социальные изменения VII в. являются целиком результатом деятельности Ираклия¹, Диль показывает, что этнические и административные изменения в империи происходили и до Ираклия. Но при этом в центре внимания Диля стоят этнические изменения. Он правильно указывает, что после потери восточных провинций империя стала более однородной и сплоченной, но совсем не говорит о причинах, вследствие которых восточные провинции так легко отпали от Константинополя, не говорит о

Б. Горянов, Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 136.

том, что они подвергались страшному социальному, национальному и религиозному гнету.

Русскому византиноведению, за успехами которого он внимательно следил, Диль обязан теми попытками подхода к разрешению вопроса о значении славянства в развитии Византии, которые имеются у него в отличие от других западноевропейских византинистов. Но в отличие от русских византинистов, передовые представители которых широко обосновали положение о влиянии славянской иммиграции, общественного устройства и прежде всего общинного землевладения славян на социально-экономическое развитие Византийской империи, Диль, признавая значение славянизации империи для ее истории, видит в этом процессе прежде всего изменение этнического состава империи. Между тем славянские нашествия сыграли прогрессивную роль в социальной истории Византии, так как они способствовали ослаблению господствующего класса Византии и раскрепощению ее населения. Именно вслед за славянской иммиграцией в Византии появляется прогрессивный Земледельческий закон, призванный регулировать отношения внутри свободной общины.

Диль правильно указывает на прогрессивный характер иконоборческого движения, которому он посвящает следующую, IV, главу; но он совершенно не ставит вопроса о том, произошел ли приход к власти Исаврийской династии революционным путем. Во всяком случае, он изображает дело так, будто бы все без исключения население Византии приветствовало Исавров. На самом деле в их царствование происходила ожесточенная социальная борьба, а иконоборчество было только внешним ее выражением. Отношения между церковью и государством не показаны Дилем с их социальной стороны, церковь выступает у него как совершенно особая сила, а не как одна из группировок господствующего класса.

Не отмечает Диль и значения восстания Фомы Славянина, рисуя его как один из эпизодов анархии, царившей в Византии в течение 20 лет.

Византийская национальность, которая, как заявляет Диль, возникла к VIII в., на самом деле никогда не существовала. Византия представляла собой конгломерат раз-

личных народов. Можно говорить только о большем или меньшем единстве правящего класса, но он не представляет собой всего народа. Известно, что разнородность национального состава Византии была одной из причин непрочности империи.

Эпохе Македонской династии (867—1081) посвящена V глава настоящей книги, представляющая собой краткий, но содержательный обзор внешней политики македонских императоров и тех успехов, которых империя добилась в это время. Вслед за русскими византинистами Диль признает, что весь ход социально-экономического развития Византии вел к победе крупной феодальной знати. Вместе с тем он идеализирует и Македонскую династию в целом и ее отдельных представителей. Он изображает их всех энергичными людьми с твердой волей, государственными деятелями, воодушевленными мыслью о величии империи, знаменитыми полководцами, способными администраторами, которым удалось «превратить этот период в эпоху подлинного возрождения, в один из самых славных моментов длительной истории Византии». Бесспорно, отдельные императоры Македонской династии были выдающимися правителями. Однако советские историки внесли существенные поправки в оценку деятельности этой династии. Ее приход к власти отражает победу реакции после разгрома движения народных масс и поражения иконоборческого движения; Македонская династия способствовала дальнейшему закреплению свободного крестьянства, централизации государственного аппарата, завершила разгром городских политических организаций и поставила городские ремесленные цехи под строгий, обременительный контроль со стороны государства. Внешние же успехи Македонской династии были непрочны, поскольку для их достижения ее императоры напрягли до предела все силы народа, но ничего не сделали для облегчения его положения. Поэтому укрепление императорской власти, которое Диль объясняет привязанностью народа к императору и проникновением в массы идеи законности, на самом деле объясняется лишь большей сплоченностью господствующего класса, боявшегося народных восстаний и жестоко их подавлявшего. Вместе с тем нужно указать,

что и в таких условиях господствующий класс мог держаться только ценой непрерывных внешних войн, носивших ярко выраженный реакционный характер. Диль совершенно неправ, когда он положительно оценивает завоевание Болгарии Византией — на деле оно привело к жестокому гнету византийских феодалов над болгарскими крестьянами и к подавлению самостоятельной болгарской культуры.

VI глава книги Диля посвящена эпохе Комнинов (1081—1204). Крупнейший русский византист Ф. И. Успенский доказал, что время династии Комнинов, особенно Мануила I Комнина (1143—1180), было периодом завершения феодализации Византии, периодом окончательного оформления земельных отношений на основе прони и зависимости земледельческого класса¹. Комнины были крупным феодальным родом, и их приход к власти ознаменовал победу феодальной аристократии. Комнинам приходилось действовать в чрезвычайно сложной международной обстановке. В конце XII в. образовалась независимая Сербия и было восстановлено Болгарское царство, сбросившее с себя иго византийского господства. В дела Балканского полуострова активно вмешивалась Венгрия, и Комнинам, особенно Мануилу I, приходилось вести с ней постоянную борьбу. Напряженная политическая обстановка сложилась и в Азии, где успехи турок-сельджуков лишили Византию большинства ее владений. Обстановка осложнялась для Византии и начавшимися в эту эпоху крестовыми походами, путь которых лежал через территорию Византийской империи. В этих условиях Комнинам приходилось искусно лавировать, пытаясь завербовать крестоносцев на службу империи и использовать их на отвоевание Азии для Византии. Диль довольно подробно останавливается на изложении всего хода международных событий, которые в конечном счете уже при преемниках Комнинов, династии Ангелов, привели к четвертому крестовому походу, захвату Константинополя и основанию Латинской империи,

¹ Ф. И. Успенский, Значение византийской и южнославянской прони. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского к 25-летию его ученой деятельности, СПб, 1883, стр. 1—32.

что более чем на полвека прервало существование Византийской империи. Особенно удачно освещена у Дия внешняя политика Мануила I Комнина, западнические увлечения которого ослабили Византию на Востоке и в значительной степени подготовили катастрофу 1204 г. Однако и в этом разделе мы находим некоторые положения, с которыми нельзя согласиться. Излагая события на Балканах и говоря о движении богомилов, Диль квалифицирует все это как чисто религиозную оппозицию. Между тем религиозная «ересь» была лишь внешней формой, за которой скрывался антифеодальный характер социального движения низших классов. Кроме того, движение богомилов носило также характер национально-освободительного движения, направленного на свержение византийского господства в Болгарии. Обе эти черты движения богомилов у Дия совершенно отсутствуют. Диль пишет далее, что Мануил I Комнин подчинил сербов византийскому господству и поставил там правителем Стефана Неманю, который в общем проявлял себя по отношению к Византии покорным вассалом. Это утверждение противоречит исторической истине. Имя Стефана Немани связано с первыми шагами на пути к образованию независимого сербского государства. При нем были заложены прочные основы полного освобождения Сербии от Византии. Его преемники, вступая временами в союз с борющимся болгарским народом, завершают в конце XII в., т. е. непосредственно после Мануила I Комнина, процесс образования независимого сербского государства, которое впоследствии играет все большую и большую роль в расстановке сил на Балканском полуострове.

Внутренняя история Византии в эпоху Комнинов освещена в книге Дия совершенно недостаточно. Как мы уже отмечали, время Комнинов было периодом завершения процесса феодализации империи. Поэтому был бы чрезвычайно интересен анализ расстановки классовых сил, показ развития форм крупного феодального землевладения, а также развития форм зависимости византийского крестьянства. Между тем, Диль ограничивается вопросами реорганизации армии и некоторыми деталями развития государственного аппарата. Более широкого

освещения заслуживает и культура Византии в эпоху Комнинов.

В конце VI главы Диль излагает события 1180—1204 гг., когда после династии Комнинов слабой династии Ангелов пришлось столкнуться с армиями крестоносцев. К этому времени относится правление Андроника I Комнина (1182—1185), одной из интереснейших личностей на византийском престоле. Придя к власти в результате переворота, Андроник Комнин пытался повести решительную борьбу с византийскими феодалами, причем в этой борьбе он стремился опереться на низшие слои общества, проводя ряд разумных реформ административного аппарата и уменьшая налоговое бремя крестьянства. Однако правление Андроника Комнина изложено у Диля буквально в нескольких словах, вследствие чего произведенная Андроником попытка переустройства аппарата империи представляется мало обоснованной.

VII глава книги Диля посвящена Латинской империи, Никейской империи и другим греческим центрам, образовавшимся на территории Византии после четвертого крестового похода. Этот период истории Византии (1204—1261) еще недостаточно изучен. Но автор, умело отобрав из специальных монографий, посвященных этому времени, наиболее важные факты, представил читателю красочную картину образования греческих центров на развалинах Византии и их борьбу за восстановление Византийской империи. Хорошо показана сложная международная обстановка, в которой никейским императорам приходилось вести эту борьбу, увенчавшуюся в конце концов успехом. Некоторые латинские государства, например Ахейское княжество, продолжали существовать и после восстановления Византийской империи в 1261 г. Значительную часть своих владений сохранила в восстановленной Византии и Венеция. В этой главе Диль дает краткое, но яркое описание периода, когда на византийской почве перемешивались западная и восточная культура, нравы, обычаи, формы общественного устройства, быта. Тем не менее и этот небольшой отдел вызывает ряд замечаний: так, Диль чрезмерно приукрашивает внутреннее состояние Ахейского княжества, которое, по его словам, было цветущим государством латинского

Востока, пользовалось исключительным благосостоянием, полным спокойствием и замечательным согласием с греческими подданными. Это утверждение противоречит тем сведениям, которые мы встречаем в источниках того времени, в частности в «Морейской хронике», которую Диль неоднократно использовал в своих работах. Как в других латинских государствах Востока, образовавшихся в результате четвертого крестового похода, так и в Ахейском княжестве местное население не смирилось перед латинскими завоевателями. На протяжении всей истории этих латинских государств мы имеем сведения о непрерывных восстаниях народных масс против латинского господства, так что о быстрой «ассимиляции» местного населения, отмечаемой Дилем, говорить не приходится. В жизни латинских государств на византийской территории видная роль принадлежит Франции XIII в. Эта связь средневековой Франции с византийским Востоком XIII — XIV вв. толкнула многих французских историков на службу французскому империализму, побудив их обосновать его притязания на Ближнем Востоке той ролью, которую играла Франция XIII — XIV вв. в восточном бассейне Средиземноморья. Дань преклонения перед французским империализмом отдает и Диль, когда он говорит о «влиянии, которое оказывала оддаленная Франция XIII в. на эту греческую страну, завоеванную оружием и так быстро ассимилировавшуюся».

История Византийской империи при Палеологах (1261 — 1453) освещена в последней, VIII главе книги Диля. Восстановленная империя во многом отличалась от прежней Византии. В ее владении оставались лишь территории в северо-западной части Малой Азии, часть Фракии и Македонии во главе с Фессалоникой и некоторые острова Эгейского моря. Империя была истощена в финансовом и военном отношении. А между тем ей пришлось иметь дело с усилившейся Сербией, которая в XIV в., особенно при Стефане Душане, играет на Балканском полуострове роль первостепенной державы; но особенно грозной была непрерывно нараставшая опасность со стороны турок-османов. Если никейские императоры в своей внутренней политике стремились ограничить и обуздать стремления феодалов к децентрализации, то приход к власти династии Палеологов означал

окончательную победу крупной землевладельческой феодальной знати, когда были отброшены всякие попытки приостановить развитие крупного светского и церковно-монастырского землевладения. Эпоха Палеологов — золотой век византийского феодализма. История поздней Византии наименее изучена в научной литературе по византиноведению. Среди многочисленных трудов Диля мы встречаем отдельные эюды по истории Византии этого периода, и в числе задач, которые он выдвигал перед учеными-византинистами, он настойчиво повторял требование предпринять ряд монографических исследований по изучению Византии в эпоху Палеологов.

Время Михаила VIII (1261—1282), основателя новой династии, Диль считает началом возрождения Византии, а его смерть — началом быстрого и непрекращающегося упадка империи. Подобная оценка Михаила VIII бесспорно является преувеличением его роли в византийской истории. Безусловно, Михаил VIII был способным правителем, ловким дипломатом и талантливым полководцем. Но этот узурпатор, опасавшийся восстаний и дворцовых переворотов, вынужден был идти на постоянные уступки знати, духовенству, вождям армии; он совершил ряд ошибок в организации армии, в религиозной политике, в устройстве финансового аппарата, чем в значительной степени подорвал силы империи. Поэтому неправильно было бы искать причины упадка империи только в деятельности его преемников.

Одним из центральных событий эпохи Палеологов было восстание зилотов (1342—1349). Так как у Диля это движение освещено очень поверхностно, мы считаем необходимым сказать о нем несколько слов. Правильно отмечая, что борьба между крупным феодальным и мелким крестьянским землевладением была основным содержанием внутренней истории Византии в эпоху Палеологов, Диль не связывает этого положения с движением зилотов. Нужно отметить, что революционное движение зилотов было движением не только крестьянства, но и городских низов. Это восстание не было изолированным, ограниченным территорией Фессалоники, как оно выглядит у Диля. Оно распространилось по многим городам и областям империи, где возникло несколько революционных центров. Зилоты имели програм-

му социально-экономических мероприятий, целью которой было полное преобразование общественного строя империи. Эта программа включала конфискацию имущества монастырей, отмену их иммунитетных прав, конфискацию земельных владений феодальных магнатов, облегчение податного бремени крестьянства, отмену задолженности ростовщикам, уничтожение сословных и имущественных ограничений для занятия должностей и т. д. Эта программа носила прогрессивно-демократический, антифеодальный характер, и можно сказать, что именно поражение восстания зилотов, пытавшихся возродить империю, а не конец правления Михаила VIII повлекло за собой упадок империи, от которого она уже больше не могла оправиться¹. В дальнейшем Диль сообщает основные факты из истории последних лет Византии до захвата Константинополя турками, а в заключение дает обзор византийской культуры в эпоху Палеологов, этой последней вспышки литературного и художественного возрождения Византии. Но он не объясняет этого явления, которое еще ждет своего исследователя.

Применение сравнительно-исторического метода исследования, высокая техника изучения источников, обогащение науки многими неизвестными до него источниками позволили Диллю внести ценный вклад в изучение истории Византии, ее искусства и культуры. Однако идеалистический позитивизм и эклектизм Дилля, пренебрежительное отношение к социально-экономической истории, подчинение его научного творчества теории равноправных факторов зачастую приводили его к идеализации истории Византии. Выдвигая на первый план значение Византии как носительницы высокой культуры, Диль, подобно многим другим буржуазным исследователям, умалчивал о Византии как о государстве, где был отчетливо выражен характер восточного деспотизма, где церковь всегда боролась со всеми проявлениями передовой общественной мысли, где государственный аппарат целиком был поставлен на службу эксплуатации

¹ Более подробно о восстании зилотов см. *Б. Т. Горянов*, Восстание зилотов в Византии (1342—1349), автореферат, Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. III, № 1, стр. 92—96, 1946.